

II. Сибирский реформист

Путешествие из Петербурга в Иркутск

Вступая в новый этап своей жизни на двадцатом ее году, Петр Кропоткин начал вести дневник, написав на обложке тетради: «От Петербурга, через Москву и Калугу до Иркутска».

24 июня 1862 года в поезде Николаевской железной дороги он сделал первую запись: «Наконец-то навсегда выбрался из Петербурга. Пода, давно пора...» А в письме к брату вспоминает строчки из стихотворения Николая Огарева, в котором настойчиво повторяется слово «Свобода». Именно ощущение свободы переполняло его душу. И ничто уже не могло остановить это стремление в даль, к неизведанному. Оно стимулировалось уверенностью в том, что там, в Сибири, найдет свое место, сможет быть полезным обществу.

«Да, я радовался, уезжая из Петербурга. Чего мне было там жалеть? В Петербурге мне было жаль оставлять только одно здание - Большой театр. Сколько дивных, приятных, грустных, веселых минут я провел там!...»

Театром и оперой, в частности, Кропоткин был очень увлечен. Он сам неплохо пел, предпочитая именно оперные арии. Колоссальное впечатление произвела на него опера М. И. Глинки «Жизнь за царя», и после ее прослушивания он написал заметки «О русской опере».

В Москве зашел в редакцию «Московских ведомостей» и договорился с одним из редакторов этой газеты П. М. Леонтьевым, что будет присылать из Сибири письма для публикации в воскресном приложении «Современная летопись». Гонорары он просил передавать брату, оставшемуся без определенных занятий после исключения из университета за участие в беспорядках. Леонтьев охотно принял предложение молодого князя, уже имевшего небольшую, но серьезную публикацию в петербургском «Книжном вестнике». Там выпускник Пажеского корпуса напечатал рецензию на статью известного литератора радикального направления Н. В. Шелгунова, опубликованную в «Современнике», в которой была изложена работа Фридриха Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Только одно условие выдвигал будущий автор писем из Сибири - не ставить в подписи под статьями его княжеского титула. Кичиться своим аристократическим происхождением он не собирался. Правда, потом, находясь в эмиграции, он вынужден был смириться с тем, что английские редакторы подписывали его статьи только так - prince Kropotkin.

29 июня Петр выехал из Москвы в калужское село Никольское, где прошло детство и где его ждал отец с последней надеждой на то, что сын останется, образумится и не поедет на

далекий Амур. Надежда его была связана с семнадцатилетней дочерью богатого соседа-помещика Лидией, которую, казалось, Петр полюбил. И действительно, им овладели сомнения: не поселиться ли в имении, не отдаться ли семейному счастью? Вместо трех дней, как предполагал, он прожил в Никольском почти месяц. Но колебания преодолел, и 27 июля покинул калужскую землю, продолжив путь на восток.

С грустными мыслями ехал он в поезде, переполненном пассажирами, спешащими на открывающуюся вскоре Нижегородскую ярмарку.

И вот - Владимир, город славной русской истории. «Не чувствуя усталости, я тотчас по приезде пошел гулять по Владимиру. Городок оригинальный, весь невелик, но на горах, и горы - с преогромными оврагами...» Петр старается записывать свои впечатления, помня об обещанных «Московским ведомостям» письмах.

От Владимира в Нижний строится железная дорога, но поезда еще не идут. Приходится ехать в тарантасе по ухабистым лесным дорогам. На пути старинные села: Боголюбово, Павловские Дворики, Вязники... В Нижнем Новгороде, конечно, первым делом - на ярмарку, не совсем еще открывшуюся. А вечером - в театр, на «Макбета». Играл знаменитый чернокожий трагик Айра Олдридж, приехавший из Лондона. Гастролировал по всей России и везде имел триумфальный прием.

Запись в дневнике: «Вчера я был в Кремле, отыскивал древнее лобное место, с которого Минин сзывал Русь к обновлению, и странно, не нашел, никто не знает... На высоком месте Кремля поставлена беседка. Что за вид! Виднеется слияние Оки и Волги, на этом мысу - ярмарка; обе реки уставлены судами, целый лес мачт перед глазами... Вся ярмарка как на ладони, а там, вдали, пологие берега Оки и Волги, вода стоит местами... Что за даль, ширь!... Я долго, долго любовался видом, едва отошел».

Люди занимали молодого путешественника не меньше, чем ландшафты и исторические памятники. Вот он разговорился с хозяином гостиницы, вчерашним крестьянином, не имеющим никакого образования, но начитанным и выписывающим такие серьезные журналы, как «Русский вестник», «Современник». Разговор с портным, который шил ему чехол на чемодан, тоже заставил задуматься. Бывший крепостной поведал, что изобрел не более не менее, как перпетуум мобиле.

А когда шел по мосту через Оку, глубокую грусть навеяла песня гребцов на судне, похожая на стон: «Что-то очень дикое, очень возмущающее душу, наводящее грустную думу, бессильную злобу, желчную задумчивость...» - записывает он в дневнике. И чем дальше едет в глубь России, тем чаще возникает ощущение своей отчужденности от народа и чувство сострадания к нему. Спустя два-три года, усиленное новыми впечатлениями, это чувство выльется в осознанное неприятие существующих общественных отношений.

Вятская губерния, Кама... В Елабуге Кропоткин впервые столкнулся с таким явлением, которому потом, спустя шесть лет, посвятит статью в «Санкт-Петербургских ведомостях». В ней он расскажет о вреде чрезмерных рубок леса, приносящих сельскому хозяйству огромный вред. Увидев впервые, как безжалостно вырубают лес в Елабуге, он не успокоится

даже и в Сибири, где поистине океан леса.

В Сарапуле его занимало, почему этот небольшой городишко имеет такую узкую устойчивую специализацию: все сапожники. Объяснялось все просто: во-первых, избыток кожи, конской и козлиной, а затем - удобен сбыт по Каме и Волге. Это - явный интерес Кропоткина к экономическим связям, пробудившийся, как мы знаем, еще в детские годы в уездном городке Мещевске.

Перед Екатеринбургом - степной просмотр: великолепная земля, буквально черная, и села тянутся иногда более чем на версту.

...Трясет в тарантасе по холмам уральским, укачивает, в сон бросает. И вдруг денщик Петров говорит: «А вот, ваше сиятельство, памятник какой-то, что ли?» Это граница. На высшей точке главной горной цепи Урала стоит вдоль дороги столб светло-серого мрамора с надписью на одной стороне - «Европа», на другой - «Азия».

Всего 34 года назад мимо этого столба проехал Александр фон Гумбольдт, полгода путешествовавший по России. Началась Сибирь. Что он знал о ней? Да, в общем-то, немало. Знал о дерзком прорыве в Сибирь казачьего атамана Ермака и о подвиге казаков-землепроходцев, прошедших через всю громадную страну, достигших Тихого океана и берегов Америки, поставивших свои деревянные крепости - остроги среди тайги и гор, на берегах неведомых рек и озер, начавших освоение бескрайней земли сибирской.

Крупнейшие фигуры вырисовываются в истории познания необъятных просторов Сибири в XVIII веке. Например, Витус Беринг, дважды пересекший со своим грандиозным обозом всю Сибирь до восточной оконечности - Камчатки, откуда отправился на поиски Америки, открыв пролив, разделяющий два континента. Или участник экспедиции Беринга Степан Крашенинников, составивший первое описание «земли камчатской». А имена бесстрашных подвижников Великой Северной экспедиции, продолжавшейся десять лет, - братьев Лаптевых, Семена Челюскина, Степана Малыгина и других - увековечены на берегах Северного Ледовитого океана.

Пророческие слова Ломоносова о том, что «российское могущество прирастать будет Сибирью», на столетие определили понимание передовыми деятелями русского общества места Сибири в жизни страны. Исследование ее природы, этнографии, археологии считалось почетной задачей. Изучение природы Сибири и Дальнего Востока, развернулось с новой силой в середине XIX столетия. В 40-50-е годы его проводили горные инженеры, землемеры, местные жители - энтузиасты, в большинстве - ссыльные. Многие сделали декабристы, особенно Иван Якушкин и Николай Бестужев, организовавшие регулярные метеорологические наблюдения, изучавшие флору и фауну края.

Большой вклад в изучение Сибири и Арктики внес российский академик Александр Федорович Миддендорф*, отправившись в путешествие в 1842 году. Снаряженная Геттербургской Академией наук, его экспедиция в значительной мере предопределила характер дальнейших исследований в Сибири, а двухтомный труд «Путешествие на север и восток Сибири», вышедший спустя десятилетие, стал образцом комплексного научного

обобщения. Продолжив сверх программы экспедицию в бассейн Амура, Миддендорф дал, по его словам, «картину всего Амурского края, которая бросила новый свет на эту страну».

В 1855 году географ Н. Г. Меглицкий совершил путешествие по Амуру, собрав большую коллекцию растений. В том же году начала работать академическая сибирская экспедиция, в которой математик Леопольд Шварц руководил составлением карты, а геолог Фридрих Шмидт проводил геологические исследования. Эта экспедиция выполнила широкую программу. Она получила много новых данных по геологии, горному рельефу, растительности и животному миру. А кроме этого исследовала пеструю этнографию края и экологические условия жизни населения.

Все эти исследователи продолжили работу первых казаков-землепроходцев, им тоже приходилось преодолевать громадные территории, на которые еще не ступала нога ученого, а то и вообще человека. Таким же «землепроходцем» суждено было стать Кропоткину, хотя, приближаясь к месту своей службы в Восточной Сибири, он этого даже не предполагал.

«Да, странное впечатление должна производить Сибирь на каждого приезжего, как бы он ни был предубежден против нее, - писал Кропоткин из Томска в воскресном приложении к «Московским ведомостям». - С самого детства все мы слышали про эту страну, как про место ссылки, про какую-то низменную покатость к Ледовитому океану, только на юге плодородную, а то всю покрытую болотами и тундрами, и привыкли представлять ее себе чем-то диким, пустынным...

Но, проезжая по бесконечным хлебородным степям Тобольской губернии, я с удивлением вглядывался в окружающее и задавал себе вопрос: отчего всем нам знакома только та безотрадная Сибирь с ее дремучими тайгами, непроходимыми тундрами, дикою природой-мачехой, где случайно заброшенный человек из сил бьется, чтобы прожить кое-как, а между тем всем нам так малознакома та чудная Сибирь с ее богатыми, необозримыми лугами, - где наметаны сотни стогов сена, да каких, каждый с порядочную избу, - с ее бесконечными пашнями, где рослая пшеница так и гнется под тяжестью огромных колосьев, где чернозем так жирен, что пластами ложится на колесах... где природа-мать и щедро вознаграждает за малейший труд, за малейшую заботливость? Отчего? Или оттого, что мы знаем Сибирь только как страну ссыльных, или оттого, что при природной беспечности кто и знает ее, то лишь для себя, а с другими не делится сведениями? Не знаю, не берусь решить, но со своей стороны заявляю только замечательное богатство проеханных мною южных округов Тобольской губернии. Земли самого чудного качества здесь много, слишком много...»

Первым сибирским городом была Тюмень: город деревянный, с «грязными до невероятия улицами». Но Кропоткин обратил внимание, что «в мещанских плохоньких домиках живут очень порядочно, зажиточно, читают, и читают довольно много».

Всего ночь в Тюмени. И тотчас - дальше. Вдоль дороги болота, поросшие березняком. Но они уступают место лугам и вот уже переходят в большие поля черноземной Минусинской котловины. Райская земля...

...26 августа Кропоткин выехал из Томска, а через четыре дня прибыл в Красноярск. Здесь впервые возникли на горизонте настоящие горы - заснеженная цепь Саян. И дорога пошла неровная - с холма на холм. Множество очень быстрых рек пересекали ее - через них приходилось переправляться на веслах. На склонах гор - крестьяне, корчующие пни, распахивающие землю. И необъятная тайга вокруг.

«Наконец, 5-го сентября увидел я воды Ангары; через несколько времени на другом ее берегу засерели и забелели домики и дома Иркутска...

Вот и все, вот и все трудности».

Написав так, Кропоткин хотел опровергнуть укоренившиеся в Петербурге и Москве представления о необычайно тяжелой дороге в Сибирь. «Подумайте, пять тысяч верст только до Иркутска! Пять тысяч верст!» - говорили ему в столице с выражением почти ужаса всего месяц назад. И вот они позади, все пять тысяч верст.

«Летом путь от Москвы до Перми и считать нечего,- в неделю вы доберетесь до Перми без малейшей усталости, но до Иркутска останется еще 3800 верст... Однако, во-первых, нужно вспомнить, что срок, даваемый правительством для того, чтобы доехать до места службы в Восточной Сибири - шесть месяцев - позволяет ехать не спеша, даже с большими расстановками; а, во-вторых, 3800 верст, при хорошей сибирской езде, не так страшны, как кажутся. Я, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, - дожди и слякоть, сопровождавшие меня на большей части пути, как вам известно из моих прежних писем, несмотря на то, что употребил более семи суток на ночевки и остановки в городах, проехал это пространство в четыре недели. И я поручусь, что при такой езде дорога никого не утомит: человек удивительно свыкается со всем, следовательно, и с тряской в экипаже, а пять-шесть ночевок в значительных городах дают возможность вполне отдохнуть после четырех-пяти дней непрерывной езды.

Что до скуки в дороге, то человеку наблюдательному, едущему в первый раз в Сибирь, нечего ее бояться, - на пути представится много интересного».

Любознательность Кропоткина, открытость для внешних впечатлений была, конечно, необычайной. Долгая дорога, во время которой удалось узнать много нового и получить обильный материал для работы мысли, была для него истинным праздником. Собственно, на пути в Восточную Сибирь и родился Кропоткин-путешественник, географ, естествоиспытатель. В сравнительно небольшой период времени - оно как бы прессуется в дороге - обилие впечатлений преобразует человека. В тот момент, когда возникли за Ангарой дома Иркутска, Кропоткин был уже не тем, кто всего шесть недель назад выехал из родового имения в Калужской губернии. Он был подготовлен дорогой к новой деятельности.

Воздух Сибири

Крупнейший в те времена город Сибири Иркутск по европейским масштабам был совсем невелик (всего 22 тысячи жителей). Но после месячной скачки путника почти по безлюдному

пространству он произвел впечатление: несколько каменных домов, церкви, довольно много гуляющих на улицах, множество одноместных экипажей - оживленный по-столичному город.

Переехав через Ангару на пароме, Кропоткин направился в гостиницу «Амур» - название напоминало о цели путешествия, которая, впрочем, была еще очень далека. Именно здесь, в Иркутске, на триумфальных воротах, поставленных генерал-губернатором Восточной Сибири Николаем Муравьевым-Амурским, выведено четко: «К Великому океану». Хотя до океана - почти как до Петербурга.

Граф Н. Н. Муравьев-Амурский навсегда оставил о себе память. Ведь он отстоял за Россией Амурский край, которым петербургские власти готовы были пренебречь (так же, как они откажутся от Аляски и русской Америки в 1868 году). Он укрепил позицию России на Тихом океане и приступил к освоению почти ненаселенной территории вдоль Амура, расположив на протяжении более трех с половиной тысяч верст цепь казачьих станиц, в которых расселил не только казаков, но и своей волей освобожденных каторжников и ссыльных.

Деспот и тиран, в чем его особенно яростно обличал ссыльный декабрист Д. И. Завалишин, он, тем не менее, еще в 1846 году, за пятнадцать лет до отмены крепостного права, подал Николаю I записку с предложением освободить крестьян от крепостной зависимости, а когда в его распоряжение сослан был опаснейший государственный преступник Михаил Бакунин, создал ему прекрасные условия для жизни, которыми тот и воспользовался, чтобы бежать из Сибири в Америку. Муравьева тут же отозвали в Петербург.

Хотя и крут был Муравьев, но все же из числа преобразователей. А до него Сибирь страдала от произвола ее губернаторов долгие годы, начиная с князя Матвея Гагарина, казненного за злоупотребления властью и казнокрадство, и кончая предшественником Михаила Сперанского генералом И. И. Пестелем (между прочим, отцом повешенного в 1825 году декабриста Павла Пестеля).

Генерал- губернатор Сперанский был первым реформатором в Сибири в 1819-1821 годах, вселившим надежды на обновление ее управления. С надеждой на возрождение «духа Сперанского» и ехал в Сибирь Кропоткин, определяя свою главную задачу: «Быть полезным...»

Едва устроившись в гостинице, он идет доложить о своем прибытии и попадает на большой прием, который устраивает нынешний губернатор Сибири Михаил Семенович Корсаков. Генерал очень прост, демократичен, одинаково любезен со всеми и не подтверждает традиционно сложившееся в России представление о самовольном и грозном «губернском хозяине». А вот в добровольный приезд выпускника Пажеского корпуса в Сибирь не поверил, хотя не стал допытываться, что да как - не его это дело...

Начинал Корсаков службу в Сибири чиновником особых поручений при Муравьеве четырнадцать лет назад. В 1849 году встречал судно Геннадия Невельского «Байкал», впервые прошедшее в устье Амура. Оттуда тысячу двести верст верхом проскакал за двенадцать дней. И на Камчатке побывал - основал там Петропавловский порт в Авачинской бухте. Корсаков продолжил дела, начатые Муравьевым; поощрял развитие земледелия на

Амуре, организовал постоянное пароходное сообщение, закончил строительство телеграфной линии от Петербурга в Иркутск. «В 1862 году высшая сибирская администрация была гораздо более просвещенной..., чем администрация любой губернии в Европейской России», - к такому выводу пришел Кропоткин.

В Сибири дела гражданские вершили офицеры: на них лежало множество обязанностей, по сути, чиновничьих. Им приходилось постоянно быть в разъездах по необъятной губернии, а «фрунтовой службы» не было вовсе.

Девятнадцатилетнему юноше все это было по душе. Здесь вольно дышится. Еще бы - даже в гостиной губернатора свободно обсуждаются крамольные статьи Герцена, критикуется политика правительства и высмеиваются разного рода слабости членов августейшей семьи, включая самого императора.

Петр Кропоткин приехал в Сибирь через год после того, как оттуда, из ссылки, совершил побег Михаил Бакунин. О нем было известно, что он дворянин и офицер, лишенный всех дворянских привилегий за антиправительственную пропаганду за границей. Участвовал в баррикадных боях в Дрездене в 1849 году, за что был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением, но через два года передан русским властям. Семь лет провел в одиночной камере Алексеевского рavelина Петропавловской крепости. Там написал для Николая I ложно-покаянную «Исповедь»; прочтя ее, царь заменил тюрьму вечной ссылкой в Сибирь. И вот на пятом году сибирской жизни Бакунину удалось незамеченным сесть в Николаевске на американский пароход... Официальный Петербург терялся в догадках, почему побег оказался возможным. Разговоров было много...

Главное, что и Муравьев, и Корсаков покровительствовали бунтарю, увлекшему их проектом отделения Сибири от России, с образованием своего рода сибирских «соединенных штатов».

Пройдет десять лет, и Кропоткин назовет себя приверженцем Бакунина, а затем в мировом революционном движении он фактически займет его место как ведущий теоретик анархизма, правда, особого, «кропоткинского» направления. Когда он ехал в Сибирь, то не мог и предполагать такого развития событий. Не рассчитывал, впрочем, он и на то, что из Сибири вернется ученым-естествоиспытателем. Думал лишь об участии в проведении реформ административной системы, о самообразовании, о знакомстве с огромным, богатейшим и неосвоенным краем.

Есаул - по особым поручениям

Быстро пролетели первые три недели в Иркутске. Помощник Корсакова, молодой генерал Болеслав Казимирович Кукель, занимавший пост военного начальника штаба казачьего войска и губернатора Забайкальской области, собирался возвращаться в свою «вотчину», в ситу, и предложил ехать с ним Кропоткину, которому предстояло служить в штабе. Звание он получил - есаул, а должность - чиновник по особым поручениям.

Выехали из Иркутска вечером. На берегу Байкала предстояло переночевать, чтобы утром сесть на пароход. Уже стемнело, когда подъехали к Байкалу, но видно было, что горы вплотную подошли к воде, оставив лишь узкую полоску берега, усыпанного галькой. Горы сплошь покрыты лесом, сбросившим по осени листву, и прорезаны узкими крутосклонными долинами.

Утро открыло великолепный вид: только что выглянувшее солнце окрасило в нежный розовый цвет туман, окутавший горы. На вершинах ослепительно блестел снег, тоже розоватый в лучах невысокого солнца.

...Когда пароход отошел, стало видно, насколько прозрачна вода озера - дно просвечивало, хотя глубина сразу же резко возростала. Байкал на удивление был спокоен, и трудно было поверить, что еще накануне он неистово бушевал, а вышедший на сутки раньше пароход должен был прятаться в бухте, за утесами.

Через семь с половиной часов высадились на восточном берегу озера, откуда предстоял путь в Читу через широкую Братскую степь по ровной дороге, ярко освещенной солнцем, сияющим в безоблачном небе.

Областная Чита едва ли была похожа на город, но Кропоткин узнал, что еще до 1851 года здесь, в широкой степи, при слиянии рек Читы и Ингоды, была лишь деревушка, состоявшая из нескольких дворики. Пока Кропоткин не подыскал себе квартиру, Кукель предложил ему поселиться в своем доме. Они быстро стали друзьями, и Петр, как более молодой, оказался под сильным влиянием незаурядной личности Кукеля. «Я попал в славное семейство», - писал он в дневнике.

Новому офицеру штаба было поручено сделать описание открывшейся в день его приезда первой Забайкальской выставки промышленных и сельскохозяйственных товаров - очень важного в жизни края события. Описание было отпечатано в Чите отдельной брошюрой. Ее Кропоткин отправил в Петербург, в Русское Географическое общество, где таким образом впервые о нем узнали.

Однажды осенью Кукель вызвал к себе Кропоткина и показал циркуляр из Министерства внутренних дел, в котором просили собрать всевозможные сведения о положении тюрем, сообщив мнение относительно необходимости реформ... «Вы знаете, какая масса дел у нас на руках,- обратился к нему Кукель,- и за эту работу положительно некому взяться. Горное ведомство, которое заведует каторжными тюрьмами Нерчинского округа, совсем не отвечает на наши запросы. Не возьметесь ли вы за это?»

Кропоткин пытался было отказаться, ссылаясь на молодость и полное незнакомство с «предметом сим», не предполагая, что знакомство состоится, но Кукель настоял, обещая помощь опытных людей.

Уже из разговоров с чиновниками горного ведомства в Чите стало ясно, что произвол и деспотизм начальников нерчинских каторжных тюрем не имеют пределов. В этом представилась возможность убедиться: эпидемии цинги каждый год уносят сотни арестантов; тюремные здания - сырые, холодные, набиты заключенными сверх меры; людей

держат на голодном пайке, а работать заставляют из последних сил. Кропоткин посетил несколько этапов - многомесячный путь пешком из Перми в Забайкалье тысяч мужчин и женщин, часто с детьми, представился ему невыносимым издевательством над человеком. В силе оставался указ Николая I от 1845 года, согласно которому арестантов можно было наказывать плетьюми от пяти до шести тысяч ударов, а также приковывать к тачке на срок от одного до трех лет. Только через год, в апреле 1863 года, были официально отменены публичные наказания кнутом и клеймение преступников.

Население Забайкалья часто страдало от произвола местных начальников. Когда Кукелю стало известно о невероятном беззаконии, творимом заседателем Верхнеудинского земского суда, было решено отправить Кропоткина для расследования. Приехав в Верхнеудинск, Кропоткин обнаружил, что ретивый заседатель, возомнивший себя властелином края, грабил крестьян. Под розги попадал любой неугода. Заседатель держал без срока в остроге тех из привлеченных по уголовным делам, кто отказывался дать ему взятку. У этого самодура и взяточника были всемогущие покровители и в Иркутске и даже в Петербурге, поэтому Кукелю справиться с ним было непросто. Требовалось собрать убедительные факты о его произволе. Этим и занялся Кропоткин. Две недели он прожил среди крестьян. Запуганные, они не сразу шли на откровенные разговоры. Но молодому общительному бородачу удалось заслужить их доверие - собранные Кропоткиным материалы оказались убийственными для зарвавшегося чиновника, и он принужден был подать в отставку. Правда, через несколько месяцев в Чите с возмущением узнали, что вскоре его назначили исправником на Камчатку, где возможностей «развернуться» было еще больше, чем в Забайкалье. Все же выдворение его из Сибири в 1862 году было первой своего рода политической победой Кропоткина, убежденного, что на всех ответственных должностях должны стоять люди честные и преданные своему делу.

Осенью 1862 года в Чите все ждали известий о том, что в Петербурге будет объявлена конституция, проекты которой давно разрабатывались специальной комиссией, учрежденной Александром II. И хотя до сибирских городов новости доходили с опозданием на полтора, а то и два месяца, к концу октября, когда пришли столичные газеты от начала сентября, в которых о конституции не было ни слова, стало понятно, что обмануты даже самые умеренные ожидания. Сибирь далеко от столицы, и начатая Кукелем деятельность по созданию проектов реформ продолжалась, когда в центре все уже прекратилось. Вместе с помощником забайкальского губернатора полковником К. Н. Педашенко, адъютантом военного округа А. Л. Шанявским) основавшим впоследствии народный университет в Москве (и страстным патриотом Сибири Н. М. Ядринцевым Кропоткин активно работал над проектами реформ тюрем, системы ссылки и городского самоуправления.

Кукель верил в конечную победу справедливости: правительство вернется к реформам. «Мы живем в великую эпоху: работайте, милый друг», - говорил он Кропоткину.

Очень полезными для Кропоткина оказались беседы с декабристами Завалишиным и Горбачевским. Довелось познакомиться и с «новой волной» политических ссыльных. Вторая командировка по поручению Кукеля была связана с отбывавшим каторжные работы за составление прокламации «К молодому поколению» Михаилом Михайловым, революционным поэтом и публицистом. В 1861 году он был приговорен к шести годам

каторги, и сослан на рудники, близ Нерчинского завода. Забайкальские власти разрешили очень слабому здоровьем Михайлову оставаться в тюремном госпитале, а Кукель позволил ему жить у брата, горного инженера. Но в столицу полетел донос, и в Читу прибыл для расследования жандармский генерал. Его решили ненадолго задержать в Чите, соблазнив удачами в карточной игре, пока Кропоткин съездил к Михайлову и предупредил его о необходимости на время вернуться в тюремный госпиталь. Все было сделано наилучшим образом, никаких репрессий не последовало, и жизнь Михайлова хоть на какой-то срок была продлена; он умер от чахотки в августе 1865 года.

Для Кукеля подобное благодеяние не прошло даром: в столицу было отправлено тайное донесение. И вот самым важным в почте, поступившей в феврале 1863 года, оказалось письмо Кукелю, предписывавшее ему сдать дела и немедленно ехать в Иркутск и дальше - в Петербург.

«Восхитительная личность», - записал о Кукеле в своем дневнике Кропоткин. Рядом с ним можно было жить и плодотворно работать, надеяться на перемены к лучшему. Но восторжествовал донос - велика его сила в самодержавной стране.

С отъездом Кукеля разрушилась та атмосфера «вольнодумства», формированию которой несомненно содействовал и он сам, и выписываемый им из Лондона «Колокол», и две иркутские библиотеки: Вагина и Шестунова. В вагинской библиотеке действовал настоящий оппозиционный клуб, где собирались, чтобы обсудить прочитанное, выписывал Вагин до полусотни разнообразных журналов и газет. Но, видно, всему приходит конец.

Провожать Болеслава Кукеля собралось почти все читинское общество. Проехали до первой станции, за сорок верст. Возвращались грустные, зная, что губернатором будет человек далеко не либеральный и карьерист. Выработанные в спорах и многомесячном труде проекты реформ отправили в Петербург и больше ничего о них не слышали. Да это и понятно: в 1863 году произошло восстание в Царстве Польском, газеты были переполнены сообщениями о «польском деле», о жестокостях подавления «мятежа». Какие уж тут реформы...

18 февраля брат Александр написал из Москвы: «Как хорошо, что ты в Сибирь вышел... Осталось бы тебе либо самому убить себя, либо попросить, чтобы тебя расстреляли» - вся гвардия была послана на усмирение восставшей Польши. Александр, тяжело переживая это событие, думает о том, чтобы самом отправиться в Сибирь, просит брата подыскать ему место. Петр с радостью поддерживает - зовет приехать летом. А сам убеждается, что без Кукеля нечего ему делать в Чите и возвращается в Иркутск, чтобы весной принять участие в ежегодном сплаве барж с продовольствием для казачьих страниц на Нижнем Амуре.

С весны 1863 года юный Кропоткин начинает путешествия по Восточной Сибири и Дальнему Востоку. А зимой, в начале года, он сильно увлекся самодеятельным театром: играет в пьесе А. Н. Островского «Не в свои сани не садись», в водевиле «Любовный напиток» и в других спектаклях. И настолько удачно, что в письмах к брату он задается вопросом, не избрать ли артистическую карьеру? Александр категорически возражает, считая, что «актерство убивает истинное чувство». На это Петр отвечает: «Разве актер не так же точно творит, как

и сам писатель?»

Да, именно потребность в творчестве заставила его принять активное участие в составлении проектов реформ, а затем отдаться актерскому искусству. В то же время Кропоткин не оставляет мыслей о занятии наукой, жалеет о том, что уходит время, а он так и не получил систематического образования. «Математика меня особенно интересует не сухою стороною, а живую в теориях, в приложениях к той науке, которая не переставала меня интересовать - астрономии», - читаем мы в одном из писем к брату. И тут же звучит почти отчаяние: «Мой прежний идеал- серьезные научные занятия - приходится разбить на мелкие осколки...»

«Осколки» склеила сибирская природа. Именно она становится источником его научного творчества: «Какая прелесть жить среди девственной тайги, никем не тронутой природы! Сознать, что... до тебя здесь не было цивилизованного человека, что ты первый пришел сюда и, забираясь в самые глухие дебри, на клочках бумаги рисуешь карту этой неизвестной местности и как бы приобщаешь ее к культурному миру». Неожиданно для себя он оказался обладателем тех качеств, которые необходимы исследователю: наблюдательности и, что особенно важно, способности находить связи между явлениями природы, создающими то единство в многообразии, о котором писал Гумбольдт. «Сказать по правде, - признается он брату, - если мне и придется оставить Сибирь, то сделаю это я не без сожаления - страна хорошая и народ хороший».

Волны Амура.

Очень кстати оказалась представившаяся возможность участвовать в амурском сплаве. Баржи с продовольствием каждый год сплавлялись вниз по течению Амура. Дело в том, что казачьим семьям, расселенным вдоль великой реки, предписано было сеять то же, что сеяли в России. Но амурский климат требовал к себе особого подхода. И на первых порах очень нелегко пришлось крестьянам в низовьях Амура. Весенние сплавы выручали их: ими доставляли продовольствие, которым казаки сами себя полностью обеспечить не могли.

Удача сплава в значительной мере зависела от погоды. Весна 1863 года выдалась на редкость дождливой. А в июне Кропоткин отправился вниз по Амуру с караваном барж помощником начальника сплава майора Малиновского. Даже неделя сплошных дождей имела для амурских новоселов-хлебопашцев самые неприятные последствия. Героических усилий требовала подготовка пашни. Да и можно ли назвать пашней клочок земли между пнями, который вскапывали лопатами? А селились охотно, прельщенные обещаниями освобождения на шестнадцать лет от податей и на шесть - от рекрутчины.

Путь в низовья Амура начинался на Шилке, в Сретенской гавани, где строились баржи. Утром 17 июня миновали селение Бликин, где форма гор наводит Кропоткина (пожалуй, впервые в Сибири) на мысль о воздействии на них древних ледников: склоны долины срезаны почти вертикально, отчего она становится похожей на корыто. А дальше, ближе к Сретенску, пошли пейзажи, напоминающие южнорусские степи...

Самая первая попытка сплава оказалась неудачной: дала течь баржа, на которую было погружено около пяти тысяч пудов соли. Кропоткин решил было, что не его это дело - сплав. Но вскоре все же пришлось снова этим заняться: ему приказано было снарядить в Сретенске баржу с мукой и догнать караван, ушедший вперед.

На барже - команда из десяти человек. Благополучно прошли самое опасное на Шилке место - устье реки Черной, отмеченное подводной скалой: в это лето вода стояла высоко. Но тут же, попав на песчаную косу, баржа села на мель. Пришлось ее разгрузить, вычерпывать воду, а потом грузить вновь.

Нужно было догнать основной караван. Кропоткин взял почту, сумку с деньгами и отправился с тремя гребцами в крытой почтовой лодке. Гребцы - из бывших штрафников, которых Муравьев распределил по казачьим семьям «сынками» (это еще одно его «мероприятие» по созданию земледельческого населения в Приамурье). Большая часть «сынков» не прижилась в семьях; они скитались по городам и станицам, занимаясь случайной работой, не брезгуя и грабежами. Первоначально не без опаски поглядывал на своих гребцов Кропоткин, не спал ночами, сидя на руле. Но постепенно убедился, что у прогнанных сквозь строй бездомных бродяг не возникает даже и мысли о грабеже, что можно бы отобрать у безоружного офицера его почтовую сумку, а самого сбросить в воду...

Вот горы отодвинулись от берегов, растворились в дымке. Амур вышел на равнину. По обеим его сторонам, за рядами лозняка - широкое приволье заливных лугов. Одна за другой попадаются на пути станицы: Покровская, Свербеева; древний городок Албазин с деревянной церквушкой и почтой, известный по кровавым столкновениям казаков с даурами. Все станицы строятся вблизи леса, с краю прибрежных сосняков, каждая образована рядами небольших, в два окошка домиков...

«Горы словно ступеньками, отходят вдаль; они придут потом, но уже не такие высокие, не такие крутые, не будут спирать реки в узенький проход между утесами и камнями; трава гуще и выше, больше лозняка, больше сорных трав, высоких, густых; приволье видно... Вот станица, на вид недурна, видно, что жильё заселяется. Народ выходит на берег, казаки в кучке посиживают у магазина...»

Утром 14 июля пришли в Албазин: «Ниже по Амуру - станица за станицей, луга и пашни, кое-где рубят лес и сплавляют в Благовещенск. А Амур все шире и шире, уже версты две в ширину, а то и больше... По обеим сторонам могучего водного потока идут богатейшие луга, прерываемые лесистыми сопками, и нет дороги иной, как по Амуру, а дорога по Амуру очень непостоянная, - она хороша в большую воду, а случается, что пароходное сообщение прекращается в июле, тогда уж худо: тянутся на лодках вверх; груза уже доставлять невозможно».

В будущем году он отправится в Китай, чтобы найти срезающий излучину Амура путь.

Через четыре дня - Благовещенск, а за ним начался нескончаемый дождь, сопровождаемый холодным встречным ветром. Пять дней до Хабаровки, мимо огромных, богатых станиц Екатерино-Никольской, Михайло-Семеновской, Иннокентьевской, Константиновской -

«хорошие пашни, хорошие луга, живут хорошо...»

Наконец, горы. Хребет Большой Хинган: «Амур сперт горами и уже не разливается на десятки протоков, а идет одним узким руслом...»

Пожалуй, именно встреча с Большим Хинганом пробудила в Кропоткине страстное желание заняться исследованием природы Сибири и Дальнего Востока. Вот что он записал тогда в своем дневнике:

«Появление таких высоких гор на протяжении каких-нибудь двухсот верст, после которых начинается тундристая гладь и ширь, действительно замечательно. Расследовать эти горы: направление главной цели, геологическое строение, растительность, вглубь, а не лишь только по берегам Амура, было весьма интересно, и, должно быть, были бы полезные результаты. Наши же ученые не отваживались проникать в глубь Хингана и удивлялись только богатствам, представляемым им по берегам Амура...»

Хабаровка (нынешний Хабаровск. - В. М.) - большое селение с казармами и торговыми заведениями. Купцы застроили своими красивыми домами и лавками целую улицу, которую так и называли - Купеческой. Самый большой дом - фактория Амурской компании. Здесь центр соболиной торговли. «Хабаровка - при устье Уссури, и потому сюда приходит вся уссурийская растительность. Там есть утес над очень крутым изгибом Амура. Утес высокий и замечательный... Вид с него великолепен: волны бьют об утес и шумят внизу, вправо виден Амур огромным прямым плесом, только островки виднеются по краям, влево - Уссури, впадающая в Амур; острова, горы на горизонте, Хабаровка, рассыпавшаяся по горе, почерневшая церковь, баржи на рейде...»

Выехали из Хабаровска в сильный дождь, под завывание ветра: «Такая буря выла, такие были валы, что мы должны были уже уйти в самую речку. У берега обдавало нас постоянным дождем, - это волны бросали такие брызги. Скука, холод, все промокло, сырость доходит до самых костей». И так день, другой, третий...

Баржи должны были уйти вперед, но прошли два дня в быстром плавании под парусом, а река пустынна. Наконец, заметили у крутого берега несколько бревен.

Было очевидно, что баржи погибли во время бури. Ветер непременно должен был пригнать их к крутому берегу, и не избежать им разбиться о скалы. Если погибли сорок барж с грузом в сто двадцать тысяч пудов, то неминуем голод на Нижнем Амуре.

А узнать о судьбе барж ничего нельзя - телеграфа нет еще на Амуре. Между тем нужно, не дожидаясь конца непогоды, что-то предпринять. Кропоткин спешит в Читу сообщить о произошедшем и организовать, пока не закрылась навигация, новый транспорт. Уже, конечно не дойти до низовьев реки, но, может быть, удастся хотя бы сложить продовольствие в верховьях, чтобы спустить вниз весной по первой воде.

Три тысячи верст... Сначала - в лодке с гребцами, которые менялись в деревнях через каждые тридцать верст. Лишь бы до Хабаровска доплыть, а там можно сесть на пароход...

Тайфун не утихал. Особенно опасны были широкие протоки, из которых ветер гнал высокие валы. Против них, казалось, никак не устоять утлой лодчонке. Она взлетала и затем стремительно падала вниз. У крестьян-гребцов лица белели от страха. Но юный кормовой - мальчик лет пятнадцати - искусно лавировал между волнами, которые все же захлестывали лодку. Воду едва успевал вычерпывать молодой чернобородый офицер, так торопившийся, никак не желавший переждать бурю...

И вот место крушения: разбиты сорок четыре баржи. Попытались спасти груз, но под штормовым ветром это было невозможно. Лишь небольшую часть груза удалось вытащить. Около ста тысяч пудов ушло на дно Амура...

Поплыли дальше. А через несколько дней лодку догнал пароходик. Как выяснилось, несчастный капитан в приступе белой горячки выпрыгнул на днях за борт. Пароход остался без начальства. Матросы и пассажиры, увидев офицера в лодке, да еще с солидной бородой, обрадовались и стали просить его принять капитанство. Пришлось согласиться - кому-то надо стоять на мостике. Кропоткин этот случай приводил потом как пример того, как можно иной раз обойтись и без начальства.

Но пароход движется слишком медленно, и Кропоткин выбирает путь короче: выходит на берег и отправляется верхом по таежной тропе через дикий Газимурский хребет. Это была, по сути, его первая, хотя и очень небольшая таежная экспедиция. Впервые он пересек хребет, поднялся на перевал. Преодолеет триста верст трудного пути.

...И вот Кропоткин уже в Иркутске. Неделю ему дали отдохнуть и отправили с отчетом в столицу.

В Петербурге его ни в чем не винили, но пожелали удостовериться, что баржи в самом деле погибли, а не разворованы. Военный министр Милютин просил высказать свои соображения, как лучше в будущем организовать снабжение Нижнего Амура.

Мнение Кропоткина было неожиданным: «В низовья доставлять провиант лучше морем: из Японии или Америки. И лишь на среднее течение Амура - из Читы на баржах, которые следовало бы отправлять в сопровождении буксирных пароходов». Петербургские чиновники мнение выслушали, но все оставили по-прежнему. А «гонiec» отправился в обратный путь. Зимой дорога проще. И той же «курьерской скоростью» Кропоткин добрался до Иркутска за девятнадцать дней. В среднем - по триста верст в сутки...

Несколько дней провели в Иркутске. И опять - в Читу. На этот раз через Байкал, пароходом из Лиственничной по еще не совсем очистившемуся от льдин озеру в селение Посольское. Расстояние - около ста верст.

Первым владельцем байкальского пароходства, как выяснил Кропоткин, был купец Решетников. Он подарил все свои суда вместе с постройками пристаней казне. Но государству дело показалось невыгодным, и пароходство снова перешло в частные руки. Все купил за 44 тысячи рублей виноторговец Хомиков и организовал через Байкал перевоз почты, импортируемого из Китая чая и арестантов. Каждую неделю к берегу славного моря подходят колонны узников человек по двести, и Хомиков, перевозя их, получает около трех

рублей за каждого.

Все это записал к себе в дневник необычайно любознательный казачий есаул...

П. А. Кропоткин.

Из сибирского дневника 1

1 ГАРФ. ф. 1129, оп. 1. ед. хр. 36.

“ Особенность Восточной Сибири: большое количество политических преступников. С ними обходятся с замечательным уважением везде. Всюду они приняты, и приняты прекрасно. Муравьев особенно любил их. Но, говорят, Корсаков далеко не тот, трусит, что особенно выказалось на Михайлове. На него сердятся за бегство Бакунина, вот он и боится.

Какую разительную противоположность представляет Енисейская губерния от Западной Сибири! Теперь, напр(имер), я еду по прекрасному шоссе, вырыты везде канавы для стока воды в горах, прочные славные мосты, шоссе на славу...

Теперь расскажу про дорогу от Красноярска до Иркутска. Что за дорога! Великолепнейшее шоссе, особенно по Енисейской губернии. Один клочок, верст более 300, отвратителен в Нижнеудинском округе, - дорога тянется тайгой, которая представляет унылый и жалкий вид: на сотни верст лес выгорел, лежат громадные пни деревьев, обугленные на поверхности, торчат, как мачты, тонкие прямые стволы обгорелых лиственниц, голые, без ветвей, почернелые сверху донизу, краснеют сосенки с почерневшим комлем. И погибли так целые леса после весеннего пожара: вместо красного леса растет уже береза, тоненькая, худенькая и образует местами непроходимую чащу...

Под Красноярском тянулись все горы - грядами видны на горизонте, изредка только высятся отдельные конусообразные вершинки над главным хребтом... За этими горами потянулась тайга на несколько сот верст, прерывающаяся только местами; тут приютилась деревушка, а там опять тайга, однообразная, грустная, дикая, безлюдная... Перед Иркутском опять шоссе, опять горы, но небольшие, рек приходится переезжать очень много, и все очень быстры, быстрее всех Ангара под самым Иркутском. Она, говорят, оригинально замерзает - снизу, т. е. лед тонет. Наконец, 5-го в 2 часа (5 суток от Красноярска) приехал в Иркутск, - почти дома.

Когда я подъезжал к Иркутску, была славная погода, - солнце жарило. Ангара несла с невероятной быстротой свои голубые воды; на другом берегу ее показался Иркутск, забелел дом генерал-губернатора, показался какой-то монастырь, несколько церквей, деревянные домики. Мы проехали Иннокентьевский монастырь...

Иркутск довольно большой город, и в нем можно найти почти все нужное; нужда сделала из него далеко не то, что остальные губернские города. Но он еще многим отличается от других - менее чопорности в обращении у чиновных лиц.

На другой день по приезде я представился Корсакову. Было довольно много народа; я едва не опоздал, не зная, что он принимает всех вместе, впрочем, народа слишком много, чтобы принимать порознь. Он обращается со всеми очень любезно, просто. На другой день я, обедая у него, еще более убедился, что он порядочный человек... например, вот эти слова: «Скажите, Кропоткин, по правде, за что вас сюда назначили?» Я посмотрел прямо в глаза. «Как за что? Меня никто не назначал, я сам записался». - «Нет, что ж, если бы даже и так, то мы очень рады; там этому, может быть, не довольны, если вы либерально поступали и говорили, а здесь мы этому очень рады, напротив, пускай побольше присылают».

Что же до службы, то служба офицеров здесь совсем другая, чем где-либо. Недаром крестьянин зовет офицера чиновником; действительно, здесь на офицере лежит множество гражданских обязанностей, и различие между чиновником и офицером только в мундире. Затем фронтовой службы вовсе нет...

Браво, Иркутск! Какая здесь публичная библиотека! Очень порядочная в журнальном отношении. Здесь получается до 50 журналов и газет русских, польских, французских и немецких. Приходите в комнату и читайте, ничего не платя. Кроме этой публичной, есть еще частная, откуда берутся журналы и книги для чтения; там тоже есть читальная комната, с платою 10 коп. за вход. Тоже народа довольно...

Я еще разузнал про библиотеку Вагина. Оказывается, что там был в свое время просто оппозиционный клуб, из которого исходили разные уличные демонстрации против правительства, не самого Муравьева, а его приближенных. Там, говорят, и теперь собираются не только читать, но и болтать, и собирается всякого рода служащий народ; тут можно, говорят, послушаться многого...

Чем дольше живешь, тем больше убеждаешься в том, что Иркутск далеко ушел от русских губерний. Здесь множество отдельных кружков, которые живут так, как им нравится. Кружки эти очень разнообразны, начиная, с

картежного, кончая высшим, либеральным вполне, например, около Кукеля.

А Кукель... всегда говорит, например, одну из своих любимых мыслей: «Всякое насилие есть мерзость, давайте свободу»... При Кукеле читается «Колокол», который получается очень исправно, не разрозненными нумерами, а всем годом. Встречается ли это в губерниях Европейской России?

Сегодня утром я был у Завалишина - личность не из обыкновенных - есть много хороших начинаний, неглуп. Он страшный враг Муравьева, деспотизма в его управлении...

Шилка красиво течет между гор, берега живописны, а под Бликином удивительно безобразные горы, все отрогами, срезанными почти вертикально - не ледниками ли давнего времени? Зато за Бликином к Сретенску виды лучше, напоминает Россию, только степная растительность разнообразнее, лилейных побольше. Ирисы торчат из воды и подле воды, очень красиво.

...Амурский широкий, расплылся весь, острова да острова, покрытые то тальником, то мелким леском. Дождь и скверность, команда мокнет, ворчит и припоминает все старые счета. Некоторые по 3 года не получали ничего из казны, т. е. ни жалованья, ни одежды.

Утром я переехал через Селенгу. Селенга - широкая река, течет в горах; горы круто падают с левого берега к реке, состоят из сланцев, растрескавшихся на большие ромбоэдры; пласты наклонные перемешаны с крупным песчаником, мелким хрящем, потом снова сланцы, темно-дикого или красноватого цвета. Вскрытие ее, как большей части сибирских рек (кроме Ангары), происходит постепенно. Целый плес тронется и начнет его ломать, лед разбрасывает по берегам...

Братская степь тянется, в горах все же снег виден, только меньше, да и вообще после диких гор селенгинских стало как будто теплее. В степи всегда хороша дорога...

Где та польза, которую я мог бы приносить? И что же мои мечтания? Бесполезны? Бесплодны, по крайней мере. И с каждым днем, с каждым разом, как я встречаюсь с этим народом, с его жалкою, нищенскою жизнью, как читаю об этих страшных насилиях, которые терпят христиане в Турции, - боль, слезы просятся. Как помочь, где силы? Не хочу я перевернуть дела, не в силах, но я хотел бы тут, вокруг себя, приносить хотя микроскопическую пользу им - и что же я делаю, чем приношу?...

Из писем к брату Александру

Кама, 3 августа 1862 г.

“Что, брат, сказать про то, каковой показалось мне Сибирь? Обманула! Ведь с детства учат нас про сибирскую тайгу, про тундры, про степи, и мы при слове степи рисуем себе Сахару с ее песками. А тут выходит совсем наоборот. До Тюмени еще и несколько за Тюменью тянутся безотрадные болота: едешь по гати, а кругом густая, высокая трава, но не суйся в нее - сгинешь, так и втянет в тину. По болоту растет мелкий березняк, пересохший большей частью. А за Тюменью начинается благодать, да какая! - чернозем, какого я никогда еще не видал, тучность почвы такая, что трава растет в поле в аршин вышины, да густая такая, что муравью кажись не пролезть, камыши ли в болоте, - так-таки и видна их сила, рослость. А хлеба, овса такие, какие едва ли в Тамбове родятся. Страна богатая, каждый крестьянин пашет по 25-40 десятин, и какие урожаи! Везде довольство, скота много, корм дешев и человеку также дешево жить. Вот, брат, какова Сибирь!... Дивная страна!...

Я спешу кончить... Амур и льды на горизонте. Прощай.

Томск, 25 августа 1862 г.

“Что за дивная, богатая страна Сибирь, я еще еду не самым югом. Что же на юге, если и здесь так богато! Вот где со временем образуется самостоятельное государство, кто знает, может быть, на новых началах. Богатейшая страна...

Август 1863 г., около Хабаровска.

“Плыву я по-прежнему на катере. Спокойно и хорошо, сплавной работы никакой нет, работаю над «своим» да разъезжаю по станицам, чтобы что-нибудь написать про них, это еще отнимает несколько времени. Страшная жара, а вентиляции, как в палатке, так и в комнате, нельзя устроить, а потому иногда до изнеможения доходишь; ночью работать тоже нельзя, комаров боишься, а они летят на огонь... Я написал и сегодня отправил с попавшимся навстречу пароходом - до Благовещенска - письмо второе Леонтьеву о реках Иногде и Шилке, об Амуре пишу, скоро примусь переписывать, но письмо недлинное, три листа. Гершеля кончил только теперь первый том, и тут беда: второй в чемодане, а чемодан на лодке, которая должна была идти с нами, но отстала и пропала без вести, нагонит, пожалуй, не раньше Николаевска, я уже читаю «Kosmos» Губмольдта, 2-й том, да перевожу арифметику Серре. Я взялся за это дело с одним офицером в Чите. Напечатаем через Сеньковского, будет 10 печатных листов. Если удастся, то дело будет очень хорошее, пустим, конечно, по

